

КАБАРДИНСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В статье исследуется воплощение гендерной составляющей в кабардинском нартском эпосе и система духовных ценностей, выраженных через женские образы.

Ключевые слова: кабардинский фольклор, нартский эпос, гендерная картина мира, женские образы.

Нартский эпос является общим культурным достоянием многих этносов Кавказа: адыгов (кабардинцы, черкесы, адыгейцы), балкарцев, карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей, абхазов. Отдельные сказания встречаются у дагестанцев и некоторых грузинских народностей, таких как мегрелы и рачинцы. Однако при всей типологической общности подобные сказания «по содержанию и бытовым реалиям, форме, поэтике, стилю, манере исполнения несут черты национальной фольклорной традиции, национального колорита» [1].

К отличительным свойствам «национальных нартиад» следует отнести и особенности гендерной картины мира: каждой версии присуща своя система женских образов, своя поведенческая стилистика. По замечанию А. В. Кирилина, «гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке» [2].

Одной из первых специфику гендерных стереотипов в кабардинской этнокультуре исследовала Л. Х. Сабанчиева. Она справедливо отметила чрезвычайно широкий «разброс мнений относительно статусов мужчин и женщин, противоречивость суждений о характере их взаимоотношений в традиционном адыгском обществе: от утверждений о почитании женщины до унижительного и пренебрежительного отношения к ней, от ее излишней свободы до положения рабыни, от деспотизма и всевластия мужчин до рыцарского отношения к женщине, от их всеобщей лени до их огромного трудолюбия и т. д.» [3]. Используя принцип системного анализа, исследовательница подробно рассмотрела коды гендерного поведения в социокультурной традиции адыгов, включая возрастные, сословные, имущественно-правовые и другие характеристики.

В 2006 году появилась значимая для формирующейся кабардинской гендерологии монография М. Текуевой «Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность», где в теоретическом и историческом аспектах была рассмотрена диахрония женского этнокультурного пространства. Несомненной заслугой автора стало обращение не к «парадному портрету» адыгской женщины, а к вопросам ее повседневной жизни, будней, которые обычно остаются за пределами исследований.

При определении этнических особенностей гендера, на наш взгляд, особую ценность представляют устное народное творчество и произведения художественной литературы, в которых запечатлены соответствующие стереотипы, подконтрольные народной этической философии. Как справедливо отмечает Л. Х. Сабанчиева, «фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории, функционируя в традиционном быту в составе обрядов, различных бытовых ситуациях, трудовых процессах, храня и транслируя ментальную информацию» [4].

Изучение гендерно окрашенных «зон» фольклора и практик речевого общения (дискурсов) позволяет глубже проникнуть в психологию женщины и мужчины, каждый из которых есть не просто абстрактный «человек», но «человек плюс еще что-то». Многие великие философы прошлого задолго до появления «официальных» гендерных исследований, оперируя собственными понятиями, пытались идентифицировать это «что-то». Так, русский мыслитель Н. А. Бердяев пишет: «Женщина – существо совсем иного порядка, чем мужчина... В миропорядке мужчина есть по преимуществу антропологическое, человеческое начало, женщина – начало природное, космическое. Женщина гораздо менее человек, гораздо более природа. Она по преимуществу – носительница половой стихии. В поле мужчина значит меньше, чем женщина. Женщина вся пол, ее половая жизнь – вся ее жизнь, захватывающая ее целиком» [5].

Такое же восприятие отражено и в первых строках кабардинского нартского эпоса, где речь идет о центральном женском персонаже Сатаней. Ее фигура одинаково монументальна как с исторической, так и с онтологической точки зрения. Вне всякого сомнения, эта героиня в системе общекавказского исторического сознания является олицетворением эпохи матриархата (термин содержит в себе симбиоз трех греческих слов «мать», «первоначало» и «власть»). Она – носительница здравого смысла, ее авторитет непререкаем, без ее участия не решается ни один судьбоносный вопрос.

Онтологическое измерение ключевого гендерного образа позволяет обнаружить в нем все основные черты архетипа Великой Матери, «великого символа первопричины и защищенности» [6]. Неслучайно потомство нартвов называет ее «Сатаней, ди Мазытхьэ», вкладывая в это выражение

смысловой комплекс «богиня лесов, флоры, фауны, всего живого на земле». Божественная энергия, позже переданная человечеству, в еще не расплескавшейся форме содержится в нартской «первоженщине» Сатаней, которая умеет останавливать солнце, общаться на языке зверей и птиц, изготавливать лекарства, одаривать мир семенами злаков. По одной из версий, Сатаней в финале умирает, вдохнув свою душу в тело мертвого Сосруко.

Этот мотив женской силы, одухотворяющей мужчин, пронизывает весь текст кабардинского нартского эпоса. В полной мере подобной магической силой обладает младшая соплеменница главной героини, Адиюх, имя которой дословно переводится с кабардинского как «дарующая свет», «светлоорукая». Любопытно, что безымянные сказители, не ограничиваясь условностями символической абстракции, метафизику света выражают на языке соматических соответствий: ладони Адиюх, протянутые в ночь, способны излучать свет и с его помощью заблудившийся во тьме муж всегда может найти верную дорогу. Другими словами, женщина по своей сути приравнивается к Луне и Солнцу, становится ориентиром, маяком для мужчин, блуждающих во мраке космического, природного и социального хаоса. Призывной силой женских светоносных рук незримо управляет природа, стремящаяся сообщить человеческому роду биологическую и историческую перспективу. Совершенно точно М. А. Текуева называет серию нартских сказаний об Адиюх «предельно концентрированным отражением драматической истории о месте женщины в мужском мире» [7].

Светозарность часто служит в кабардинском нартском эпосе мерилем эстетического и духовного совершенства женщины. К рассмотренным образам примыкает и красавица Бадах, дочь Геляхстана. Вот как характеризуется ее облик: «Днем – солнце, ночью – луна» [8]. За ее руку и сердце боролось много достойных мужей, но только Сосруко смог пройти все испытания и стал ее спутником жизни. Аналогична история Ахумиды, красота которой сравнивается с «белизной шелка», «лунным светом серебра». Совершенно неслучайно применительно к облику нартских красавиц используется прилагательное «тхъаухуд» – сложное компонентное слово, обозначающее приближенность к небесам, верховному божеству. Данный эпитет в качестве портретной характеристики имеет строго гендерные ограничения и используется только по отношению к представительницам женского пола. По мнению культурологов, «свет во всем мире является символом божественности, духовного элемента, который после первоначального хаоса пронизал вселенную и указал темноте ее место» [9].

Дуалистической системе нартского эпоса подчинена и гендерная парадигма, где положительные женские образы уравниваются отрицательными, репрезентирующими собой «первоначальный хаос тьмы». Так, «положительную функцию

зла», оттеняющего добродетель, выполняет Бырымбыху, о которой сказано: «Нартов гуаша Бырымбыху // Варит зелья и отраву, // Ложью чьи уста поют, // Зло вершить не устают» [10]. Следует отметить, в мире эпоса свет и тьма составляют единую систему полярных сил, определяющих вечное движение. Их диалектическое «соседство» подчеркивается степенью родства двух женщин: злая колдунья Бырымбыху приходится двоюродной сестрой Сатаней. Движущей силой текста является борьба между темными и светлыми силами, при этом, как мы видим, царство света обладает божественными, небесными признаками, а царство тьмы – inferнальными, демоническими.

Как можно победить мировое зло? В эпических сказаниях многих народов говорится о женщинах, физическая сила которых в экстремальный момент возрастает, многократно превышает силу мужчины. «Девушка-боец», «кавалерист-девица» – не менее распространенный в мировой культуре образ: из-за социальных предрассудков женщина вынуждена скрывать свои способности под мужским обликом. В кабардинском нартском эпосе такой персонаж – Черновласка (*Шхъэцфльцлэ*). Героиня после того, как убили семерых ее братьев, надевает в мужские доспехи и отправляется в страну великанов. После победного сражения она признается верному спутнику в своей истинной природе: «Черновласка сняла шлем с головы и по ее плечам рассыпались роскошные черные волосы, излучавшие свет» [11]. Это сказание стало прототекстом для пьесы Залимхана Аксирова «Даханаго» и лиро-эпической поэмы Адама Шогенцукова с одноименным названием. Образ героини как в фольклоре, так и в авторской литературе, подчеркивает ее скрытую внутреннюю силу, не только физическую, но и духовную.

Согласно наблюдениям культуролога Клариссы Эстес, «внутри каждой женщины живет первозданное, естественное существо, полное добрых инстинктов, сострадательной созидательности и извечной мудрости» [12]. Именно извечная женская мудрость, созидательная сила, противопоставлена мировому злу, что отражено в нартском сказании «Мелечипх». Народная фантазия номинологическими средствами подчеркивает добродетельную сущность героини, имя которой (*Малечипх*) переводится с кабардинского как «дочь ангела». Ключом к пониманию образа служит и ее антропологическая характеристика, связанная с маленьким ростом: «Мелечипх не прибавляла в росте с той ночи, как появилась на свет, она не становилась ни больше, ни меньше» [13]. Маленький рост подчеркивает интеллектуальные способности женщины: манера «адыгской дюймовочки» выражаться афоризмами, иносказаниями свидетельствует о глубоком уме, проницательности, интуиции и провидческом таланте.

Таким образом, исследование кабардинского нартского эпоса в свете теории гендера позволяет сделать вывод о высоком социокультурном статусе женщины в системе кавказского традиционного

общества. Это связано, на наш взгляд, не только со специфическими условиями матриархальной среды, но и с мировосприятием архаичных сочинителей-сказителей, которые в тексте прямо и косвенно утверждают философскую идею об уникальности женской природы и женского ума как части общего коллективного разума Дома Бытия.

Литература

1. Петросян А. А. История народа и его эпос. М., 1982. С. 61.
2. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. <http://old.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>
3. Сабанчиева Л. Х. Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина 16 века – 60-е годы 19 века). Нальчик, 2005. С. 12.
4. Там же. С. 185.

5. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 189.

6. Истомина Н. А. Энциклопедический словарь символов. М., 2002. С. 503.

7. Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. С. 14.

8. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Нальчик, 1995. С. 85.

9. Истомина Н. А. Энциклопедический словарь символов. М., 2002. С. 764.

10. Нартхэр. Къэбэрдей эпос ... С. 117.

11. Там же. С. 523.

12. Эстес К. П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях. М., 2012. С. 4.

13. Нартхэр. Къэбэрдей эпос ... С. 390.

L. F. KYASHEVA, Z. A. KUCHUKOVA. KABARDIAN NART EPOS: GENDER ASPECT

Article explores the embodiment of the gender component in the Kabardian Nart epos and the system of spiritual values, expressed through images of women.

Key words: Kabardian folklore, Nart epos, gender picture of the world, women's images.

З. М. ГАБОЕВА,
З. М. ГАБУНИА

О СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА ТРУД В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ, РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

(На материале паремий)

В статье на основе пословиц и поговорок анализируется концепт труд в карачаево-балкарском, русском и испанском языках.

Ключевые слова: концепт труд, структура концепта, паремии.

Как известно, концептам свойственно структурно организованное строение: ближние и дальние периферии сем, входящих в состав ядра, частично пересекаются, образуя уникальную систему значений. Такой же компонентный состав характерен и для концепта *труд*. Наряду с универсальным значением он отражает «национальную специфику, зафиксированную в национальной картине мира» [1]. Так, в карачаево-балкарском языке (подобное исследование проводится впервые) его ядро представлено лексемой «труд», состоящей из трех сем: `деятельность человека`; `целесообразность`; `усилие`. В ближнюю периферию входит антонимическое понятие `лень`, к которому примыкают `праздность` и `отдых`: *Эринчек ауруу табар, шилеген саулукъ табар* – Ленивый заработает болезнь, а трудящийся найдет здоровье. Полученные в ходе лингвистического анализа данные наиболее сжато и доступно можно изложить в виде схемы, которая позволяет максимально логично представить общую структуру и особенности концепта.

Компоненты дальней периферии содержат наиболее ярко выраженное культурно-этнографическое

значение: они фиксируют информацию о быте, образе жизни, основных занятиях и системе ценностей. Например, специфичным для дальней периферии концепта *труд* в карачаево-балкарском языке является компонент *копна / стог*. Он становится символом начала и конца дела: Черени болмагъанны, антауу болмаз – Если нет копны, то не будет скирды (стога).

Полевая структура концепта *труд* в паремиологическом фонде русского и испанского языков совпадает по большинству параметров: состав ядра, приядерные антонимичные компоненты, тенденции в отношениях между ними, состав ближней периферии и значительное число компонентов дальней. Однако есть и различия: объем ближней периферии и в испанском, и в карачаево-балкарском языках несколько уже, чем в русском.

В русском языке концепт *труд* выражен лексемами с устаревшим значением, которые дают наиболее богатый материал для лингвокультурологического анализа. Они отражают все особенности быта, вплоть до основных видов пищи (хлеб, калач) и наиболее распространенных предметов мебели